

УДК 334.7.021

Дида Вадим Маркович

аспирант кафедры политических наук и международных отношений
Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
dida_vadim@mail.ru

Vadim M. Dida

postgraduate student, Department of Political Science and International Relations
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia

КООПЕРАТИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СССР В 1929-1941 ГГ. (ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

COOPERATIVE ASSOCIATIONS AND INDIVIDUAL LABOR ACTIVITIES IN THE USSR IN 1929-1941 (REVIEW OF THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY)

Аннотация

В статье рассматривается современная историография, посвященная деятельности промысловых кооперативов и индивидуальных кустарей в СССР в период 1929-1941 гг. На основании изученных материалов автором сделаны выводы о роли таких негосударственных производственных акторов в экономической системе СССР, а также об общем направлении государственной политики советского правительства в отношении таких акторов на протяжении указанного периода, отмечена их высокая эффективность и важность данного опыта для современной российской экономики.

Ключевые слова:

мобилизационная экономика, советская экономика, промысловая кооперация, индивидуальная трудовая деятельность

Abstract

The article examines modern historiography devoted to the activities of worker cooperatives and individual artisans in the USSR in the period 1929-1941. Based on the studied materials, the author draws conclusions about the role of such non-state actors in the economic system of the USSR, as well as about the general direction of the state policy of the Soviet government in relation to such actors during this period, noting their high efficiency and the importance of this experience for the modern Russian economy.

Keywords:

mobilization economy, soviet economy, worker cooperative, individual labor activity

Неотъемлемым элементом изучения истории является исследование доминантных и латентных тенденций в экономической системе, формирующих основания для внешней и внутренней политики страны, культурного и интеллектуального развития общества. Не является исключением и современная Российская Федерация.

В этом контексте крайне важен хронологический отрезок 1929-1941 гг., предваряющий период Великой Отечественной войны, поскольку именно тогда были заложены основы последующего развития советского народного хозяйства, социально-экономические изменения были масштабными, а мобилизационный характер советской экономики, выразившийся в максимальном сосредоточении ресурсов для решения наиболее важных проблем, проявился особенно ярко.

Кампании по осуществлению индустриализации и коллективизации происходили под контролем государства и ради защиты его интересов. Однако, при ближайшем рассмотрении выясняется, что ситуация далеко не столь однозначна. Доставшиеся Советскому Союзу «в наследство» от Российской империи негосударственные экономические акторы, которые дополнительно укрепились и развились в годы НЭПа, играли важную роль в народном хозяйстве и удовлетворении потребительского спроса. Это влияло на их восприятие среди складывающейся коммунистической номенклатуры и населения и не могло не отразиться на проводимой экономической политике.

В экономике СССР периода 1929-1941 гг. можно выделить основные группы негосударственных акторов, действовавшие в промышленности, и сфере услуг: это промысловая кооперация и некооперированные кустари. Хотя специфика производства у каждой из этих групп своя, на основе анализа имеющейся историографии можно проследить единую для перечисленных групп закономерности взаимоотношений с государственной властью.

Некооперированные кустари к началу периода 1929-1941 гг. играли важное положение в экономике страны. Как отмечает Е. И. Григорьева, обозревая ситуацию по Тамбовской области к 1928 г., государственные органы отмечали с одной стороны, высокую значимость местных кустарей для региона, с другой – напрямую указывали на то, что кустарные промыслы управляются частным капиталом и неподконтрольны государственному регулированию, что разрушает концепцию строения социалистического общества и требует вовлечения некооперированных кустарей в промысловую кооперацию [2, с. 50].

По-видимому, с указанными выше выводами тамбовских властей в центре были согласны. Так, В. С. Околотин приводит данные о планах государства по сбору налогов с определенных категорий населения за период второй пятилетки (1933-37 гг.). Они свидетельствуют о том, что в своем планировании государство исходило из положения, согласно которому на протяжении второй пятилетки некооперированные кустари должны в принципе исчезнуть, влившись в состав кооперации. На отрезке 1933-37 гг. сумма подоходного налога, собираемого с кооперированных кустарей, должна была вырасти с 20 до 70 миллионов рублей, а аналогичного сбора с некооперированных кустарей – снизиться со 144 миллионов рублей до нуля [6, с. 107-108].

В государственной политике давление на некооперированных кустарей с целью ввести их в состав кооперации во многом выразилось в налоговой сфере: так, И. Караваева, анализируя реальную налоговую политику государства отмечает, что в 1934 г. в новом положении о подоходном налоге был значительно расширен контингент граждан, приравненных по обложению к рабочим и служащим. На одинаковых основаниях с рабочими и служащими стали облагаться кооперированные кустари и ремесленники, работающие в общих мастерских и на дому, что должно было стимулировать развитие промысловой кооперации [3, с. 57]. Уровень налогообложения некооперированного кустаря был в 3 и более раз выше, чем у промышленного рабочего или члена промкооперации. Совмещалось это и с введением законодательных новелл: 26 марта 1936 г. СНК СССР были приняты правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов, запретившие промыслы с наемным трудом и всякую частную торговлю [7, с. 153-154].

На основании анализа имеющихся источников и историографии, можно сделать выводы о неоднозначном характере государственной политики в отношении некооперированных кустарей. С одной стороны, несмотря на оказанное давление, добиться полного контроля над ними на протяжении 1930-х не удалось, о чем свидетельствуют приведенные В. С. Околотиним статистические данные о численности некооперированных кустарей: в середине 1930-х их численность и доходы не только не снизились, но и несколько возросли. С другой же стороны, по своей экономической и социальной значимости кустари начали значительно уступать промкооперации: если в середине 1930-х в СССР их насчитывалось 199 тыс., то численность работников промкооперации составляла более 1,5 млн [5, с. 85]. Таким образом, социально-экономическое значение индивидуальных ремесленников удалось ощутимо снизить за счет инициированного советской властью процесса кооперирования.

Промысловая кооперация в период 1929-1941 гг. также подверглась существенному переформатированию. Проследить проведение этой линии можно с опорой на работу П. Г. Назарова «История российской промысловой кооперации 1932-1952», где представлены и интерпретированы с научной точки зрения опубликованные в 1932 г. в газете «Правда» статьи о советской промысловой кооперации [4, с. 8-9].

Журналисты 30-х гг. XX в. указывали, что из 6,5 млрд руб. производства промкооперации на долю товаров народного потребления приходилось около 34% и призывали довести этот показатель до 65%. Исследователь же отмечает, что вплоть до начала индустриализации и коллективизации, и вызванной ими переориентации кооперативного производства на обслуживание нужд государственной промышленности, промкооперация «давала» товаров народного потребления более 80% от своего объема производства. Таких показателей она смогла вновь достигнуть лишь в 1950-х гг.

В другой статье утверждалось, что мнение о несовместимости промкооперации со строительством социализма противоречит линии партии. Тем самым, кооперация фактически «реабилитировалась» и подтверждался ее статус как полноценного участника советской экономики. При этом необходимо учитывать, что подобное официально-комплементарное отношение в данном укладе являлось теоретической новацией, поскольку всего за несколько лет до описываемых событий промыслово-кооперативная система СССР была под угрозой расформирования и поглощения госсектором [11, с. 37-40]. Однако тяжелые для населения экономические условия первой пятилетки вынудили правительство вновь обратиться к промкооперации как к инструменту, позволяющему существенно смягчить острую нехватку товаров народного потребления. Именно в 1932 г., как отмечает П. Г. Назаров, советская промкооперация вступила в десятилетний период стабильного существования и развития, что соотносится с отмеченными выше попытками государства за счет кооперации уменьшить количество некооперированных кустарей. Тем не менее, он уверен, что в ходе 1-й пятилетки промкооперация превратилась в инструмент по обслуживанию нужд государственной промышленности, и лишь впоследствии начались попытки вновь развернуть промкооперацию к производству товаров народного потребления.

1941 г. ознаменовался очередной попыткой подчинения кооперации государственному аппарату: промысловые артели передавались в ведение облисполкомов, однако за счет ряда налоговых льгот расширялись их возможности по проявлению экономической инициативы. На самом деле вводилось двойное подчинение – вышестоящим кооперативным объединениям и облисполкомам и СНК автономных республик. Причины таких изменений неоднозначны. С одной стороны, данный шаг представляется логичным в плане подготовки к грядущей войне: за счет

реформы кооперации мощности крупных промышленных предприятий удалось сосредоточить исключительно на оборонной продукции. С другой стороны, П Назаров трактует замысел реформы в русле задуманной уже тогда ликвидации промартелей, не доведенной до конца исключительно по причине начала военных действий.

Более подробные выводы о том, какую роль в системе советской экономики играла промышленная кооперация в предвоенный период, можно сделать обратившись к исследованиям А. А. Пасса. Рассматривая развитие и деятельность промысловой кооперации на Урале в предвоенный период 1939-1941 гг., ученый замечает, что, поскольку излишняя централизация кооперации понималась исключительно как «главклизм», описанное выше преобразование центральной системы управления промысловой кооперацией в 1941 г. фактически разрушило ее целостность, результатом чего стало введение новых государственных цепочек управления. Но исследователь отмечает и позитивный момент – документ от 7 января 1941 г. является важным потому, что не только признал приоритетными экономические методы руководства кооперацией, но и своим существованием легитимировал их, формально закрепляя положение кооперации как актора, существующего в относительной независимости от командно-административной системы экономики [8, с. 90].

В то же время, А. А. Пасс отмечает, что акты 1939-1941 гг., регламентирующие работу производственных кооперативов, отличались противоречивостью содержания и выражали попытку приспособить «институциональный фасад» государства, отмеченный печатью идеократической утопии, к разрешению реальных жизненных и бытовых коллизий, с которыми сталкивалось население. Промкооперация, оперативно откликаясь на те или иные диспропорции в социальной сфере, с одной стороны, была застрахована от истощения, а с другой - постоянно подпитывала собой крупную промышленность, помогая осуществлению принятой руководством военно-политической доктрины. Однако, до конца эту линию руководство страны не реализовало, т. к. подобная модификация институциональной среды требовала сверхусилий от чиновников, существовавших в парадигме той самой «идеократической утопии». В результате этого противоречия они либо непроизвольно сопротивлялись изменениям, либо реагировали на них недостаточно активно. А сами члены артелей были не в состоянии переломить ситуацию, ибо не обладали необходимым для этого «политическим весом» [10, с. 157-158].

Отмечая такую политически и идеологически обусловленную непоследовательность, нельзя не отметить и то, что воздействие центральных органов власти на систему промкооперации в СССР порой имело положительный эффект. Так, статья О. Г. Вязовой, посвященная вопросам внедрения в системе промысловой кооперации социального страхования ее участников, указывает, что важным аспектом улучшения работы социального страхования в кооперации стало введение в 1933 г. в промстрахкассах института государственных уполномоченных по охране труда. Это стимулировало развитие института избираемых общественных инспекторов в промстрахкассах и укрепление системы соцстрахования. В данном конкретном аспекте вмешательство государства в деятельность кооперативов пошло на пользу их членам и не сковывало их экономическую инициативу [1, с. 372-373].

На основе изученных материалов можно сделать вывод о том, что политика советского государства в отношении кооперации как негосударственного экономического актора представляла собой сложное сочетание экономически обоснованных и идеологически продиктованных решений: вначале государство подчинило себе систему кооперации, ограничив ее самостоятельность, а затем попыталось превратить ее в подконтрольный элемент системы и вспомогательный хозяйственный механизм, позволяющий справиться с объективно возникающими трудностями в строительстве социалистической экономики.

Рассматривая в комплексе систему взаимодействия центральной власти с негосударственными экономическими акторами в период 1929-1941 гг., можно сделать вывод о формировании определенного подхода в формировании соответствующей политики. Первоначально государство разрушало сформировавшуюся за годы НЭПа систему функционирования «классово чуждых» экономических акторов, подрывая административными методами как возможности таких акторов по самоорганизации, так и экономическую дееспособность каждого отдельного негосударственного производителя. Затем, по прохождению кризисного периода, начинается восстановление «альтернативной» системы производства. Однако этот процесс проводится не самими акторами в результате следования логике экономического развития, а исключительно советским государством ради его специфических целей. Негосударственная часть экономики оказывается на положении вспомогательной системы планового производства, призванной компенсировать недостатки в производстве благ, которые вызывались форсированным «огосударствлением»

экономики, в том числе второстепенных ее элементов. Несмотря на ряд организационных трудностей, обусловленных объективными и субъективными причинами, как-то: нежеланием крестьян и артельщиков насильственно перестраивать свою деятельность, «перегибами на местах», идеологическим давлением, человеческим фактором, можно считать, что с решением данной проблемы негосударственная часть экономики справилась, доказав свою жизнеспособность и экономическую целесообразность. Важно отметить, что адекватно и полно оценить процесс развития советской негосударственной экономики в данный период и ее роли в СССР представляется весьма трудной исследовательской задачей вследствие отсутствия конечного результата: в 1941 г. мирное развитие советской экономики было прервано Великой Отечественной войной, разрушившей естественную динамику в развитии отношений власти и негосударственных экономических акторов.

Итак, на протяжении периода 1929-1941 гг. советское руководство демонстрировало как максимальную жесткость при достижении своих политических целей, так и прагматичную осмотрительность при необходимости купировать кризисные явления в обществе. Кооперативы и индивидуальные хозяйства смогли постепенно «легализоваться» и занять соответствующую экономическую нишу за счет ориентации на потребительский рынок, хотя идеологический и политический прессинг со стороны государства продолжался. Тем не менее, несмотря на дискретность процесса «встраивания» негосударственных акторов в мобилизационную систему общественного производства, имеющиеся материалы позволяют положительно оценить их потенциал, что важно учитывать и в наше время при формировании современной социально-экономической политики РФ.

Список использованных источников

1. Вязова О. Г. Неизвестная страница в истории кооперации Советской России: становление кооперативной системы социального обеспечения. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11 (79)., с. 369-375.
2. Григорьева Е. И. Кустарные помыслы в экономике страны 20-х - 30-х годов XX века // Вестник ТГУ. 2000. №3., с. 44-51.
3. Караваева И. Подходный налог как инструмент социальных преобразований в российском обществе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. №6., с. 52-69.

4. Назаров П. Г. История российской промысловой кооперации, 1932-1952 / Назаров Павел Григорьевич; Межрегион. ассоц. исследователей пробл. кооп., Челяб. гос. техн. ун-т, Каф. отеч. истории и культуры. - Челябинск, 1994. - 71 с.
5. Никонов Ю. Т. История промысловой кооперации Удмуртии, 1920 -1960 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Ижевск, 2000. - 224 с.
6. Околотин В. С. Налоговые прогнозы Народного комиссариата финансов СССР на вторую пятилетку (1933-1937 годы) / В. С. Околотин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2019. – № 4(42)., с. 105-113.
7. Околотин В.С. Налогообложение городского населения в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) // Наука и школа. 2010. №6., с. 152-156.
8. Пасс А. А. "Другая" экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939-1945 годах / А. А. Пасс; М-во образования Рос. Федерации. Челяб. гос. ун-т. - Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. - 235 с.
9. Пасс А. А. Кооперативная промышленность Урала в условиях товарного кризиса 1939-1941 гг. // Вестник ЧелГУ. 2012. №9 (263)., с. 73-79.
10. Пасс А. А. Кооперативная промышленность и торговля на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1939-1945 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Екатеринбург, 2000. - 425 с.
11. Карнаухов А. Файн Л. Е. Кооперация в советской России. <https://independent.academia.edu/АлексейКарнаухов>